

Преобладание научного сомнения в современном неверии.

III.

Если в трудовой среде существенное влияние на рост неверия по научным основаниям или предубеждениям оказали успехи техники и развитие индустриализма, то в среде интеллигентной в том же направлении оказала заметное воздействие другая факторъ, а именно: *историческая критика взаимныхъ отношений науки и веры въ прошломъ*. Для умовъ, уже заранѣе настроенныхъ антирелигіозно, существенно важнымъ было установить фактъ, что противоположность религіознаго и научнаго міровоззрѣнія—явленіе не временное и преходящее, а постоянное, остающееся, что оно вытекаетъ не изъ случайностей или злоупотребленій, а изъ самыхъ основъ обоихъ міровоззрѣній.

Въ началѣ второй половины XIX вѣка эта, настолько же эффектная, насколько трудная и отвѣтственная тема сосредоточила на себѣ вниманіе нѣсколькихъ историковъ культуры, отъ такихъ поверхностныхъ и тенденціозныхъ, какъ Шерръ и Генце-ам-Ринъ, до такихъ серьезныхъ, какъ Бѣкъ и Лекки. Отъ первыхъ нечего было и ждать вдумчиваго и добросовѣтнаго научнаго разслѣдованія сложнаго вопроса, разобратся въ которомъ объективно и безпристрастно мѣшала фанатическая предубежденность противъ религіознаго начала, доходившая до такого ослѣпленія, что Генце-ам-Ринъ, напримеръ, отрицалъ, чтобы во всей исторіи цивилизаціи можно было указать хотя бы одинъ моментъ самостоятельной религіозной культуры: то, что „выдавалось“ за специ-

фически-религіозный элементъ, было, по этому толкованію, только узурпаціей чуждорскихъ началъ, научнаго и философскаго, художественнаго и нравственнаго, которыя Церковь будто-бы полновластно „монополизировала“ съ одной стороны и своекорыстною цѣлью, вводя продукты творчества иныхъ факторовъ въ свою богословскую доктрину и санкціонируя ихъ своимъ авторитетомъ, но зато и обрекала ихъ на омертвленіе въ разъ навсегда закрѣпленной и ограниченной формѣ догмата и каноническаго мірѣнія.

Еще рѣзче выражено общее антирелигіозное предубѣжденіе у типичнаго по развязности и безцеремонности шестидесятника Юганна Шерра, оказавшаго, къ несчастью, въ свое время такое широкое вліяніе на нашу публику, столь не взыскательную въ выборѣ чтенія и въ расцѣпкѣ прочтѣннаго. „Гуманныя вѣрованія, настроенія и подвиги современнаго общества“, говоритъ Шерръ, „не только не внушены христіанствомъ, но они, напротивъ, по существу своему, — нехристіанскіе. Эти слѣдствія современной культуры протекать изъ заботы и радости о земномъ, изъ сомнѣнія, изъ противорѣчія и противодѣйствія онекъ духовенства, изъ свободы изслѣдованія, изъ попеченій о чувствѣ красоты, изъ созданія уютности и всесторонняго комфорта. Словомъ,—изъ всего того, что рѣшительно отвергается аскетическимъ, то есть, противоестественнымъ, монашескимъ, антисоціальнымъ и враждебныхъ просвѣщенію христіанствомъ. Каждый истинный христіанинъ есть, въ полномъ смыслѣ слова, смертельный врагъ цивилизаціи“¹⁾.

Могла ли сдѣлать безпристрастные выводы и заключенія по вопросу объ отношеніяхъ религій къ знанію такая критика, разсматривавшая всю духовную жизнь минувшихъ вѣговъ сквозь кривое увеличительное стекло своихъ собственныхъ предубѣжденій, настолько уродовавшихъ предметъ изслѣдованія? Не диво, что здѣсь получились такіе комически-грозные приговоры, какъ слѣдующій, извлеченный Бюхнеромъ изъ покрытаго пылью забвенія арсенала вольнодумцевъ еще XVIII вѣка: „если изучать исторію, можно прійти къ убѣжденію, что все человѣчество отъ вре-

¹⁾ Обѣ цитаты (Генне и Шерра) сопоставлены у Шпехта, Theologie und Wissenschaft, 367, 368—9, разумѣется, въ одобрительномъ смыслѣ.

мень Константина до времени Лютера было сплошь помѣшано!¹⁾

Въ настоящее время такіе карикатурные приемы обсужденія культурно-историческихъ процессовъ не могутъ рассчитывать на успѣхъ въ кругахъ серьезно образованныхъ. Однако эпигоны безцеремонно отрицательной критики вліянія религіи на цивилизацію еще не совѣтъ вымерли. Такъ, напримѣръ, въ вышедшей еще въ 1892 г. книгѣ позитивиста Андрѣ Лефевра читаемъ: „цѣнность цивилизаціи обратно пропорціональна ея религіозности: будущее—только за наукою“²⁾.

Какая-бы громадная разница ни отдѣляла отъ выше очерченныхъ произведеній труды Бёкля, Лекки и Дрэпера, отдавая должное ихъ разносторонней ученой подготовкѣ и перѣдкой, у двухъ первыхъ авторовъ, тонкости анализа, мы все же вынуждены признать, что даже этимъ, болѣе впрочемъ осторожнымъ, нежели глубокимъ умамъ не удавалось оцѣнить по достоинству сложнаго процесса вліянія религіи на общій ходъ историческаго развитія и на ростъ научнаго просвѣщенія въ частности. Сторонники невѣрія гордятся тѣмъ, что Бёкль будто-бы установилъ фактъ, что каждый шагъ міроваго процесса вызванъ былъ силою невѣрія и что, по Лекки, „почти все величайшія интеллектуальныя побѣды трехъ послѣднихъ вѣковъ имѣли своимъ предшествованіемъ и подготовкою ростъ сомнѣнія“³⁾. Но критика болѣе широкая во взглядахъ и, главное, болѣе безпристрастная, имѣетъ полное основаніе отмѣтить, что въ блестящихъ работахъ обоихъ историковъ, рядомъ съ крушной переоцѣнкой значенія скептическаго духа, замѣчается еще большая переоцѣнка огромнаго, положительнаго и благотворнаго вліянія элемента вѣры на ходъ развитія всемірнаго просвѣщенія.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой общей несоразмѣрности историческаго наблюденія и сужденія явилось и ошибочное преувеличеніе вліянія Церкви и богословія на прогрессъ точнаго знанія. Церковь, утверждалъ Дрэперъ, возвела себя въ хранительницу и судью знанія и такимъ образомъ стала

1) Buchner. Der Gottesbegriff. 4.

2) A. Lefèvre. La Religion. Paris, 1893, 572, 573.

3) Watts. The glory of Unbelief. 13. 14.

камнемъ преткновенія всего умственнаго прогресса Европы болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ ¹⁾. Въ этомъ же смыслѣ Лекки утверждаетъ, что богословская система, словно грузная масса Альпъ, давила христіанство и что ея вліянію, болѣе, чѣмъ какимъ либо инымъ причинамъ, слѣдуетъ приписывать „всеобщее искалѣченіе мысли“ ²⁾. „Понстигъ чудесно“, говоритъ Лекки, „какъ, среди ужасающихъ богословскихъ пренятствій, преграждавшихъ путь наукъ, она могла еще возродиться! Въ связи съ системой библейскаго объясненія, столь обязательнаго и въ то же время столь фантастическаго, что оно неизбѣжно оказывалось въ противорѣчій съ каждымъ научнымъ открытіемъ, .. дѣлалось рѣшительно все для укрѣпленія образа мыслей, противоположнаго научному. Непрестанное прославленіе слѣпой вѣры, безчисленныя чудеса, дѣтскія легенды—все порождало состояніе грубаго невѣжества и низкопоклоннаго, трусливаго легковѣрія, едва ли когда либо и гдѣ либо превзойденнаго, развѣ лишь среди самыхъ дикихъ варваровъ. Каждый видъ повншества считался за преступленіе; вышнее знаніе возбуждало только ужасъ и досаду; въ области умозрѣнія оно считалось за срьсь, въ предѣлахъ изученія природы—за магію“ ³⁾.

Такія характеристики вѣковъ вѣры привели въ неопытѣмый восторгъ критику и публику шестидесятыхъ годовъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ Толевича, пѣмецкаго переводчика „Исторіи раціонализма“: „если трудъ Гиббона есть трагедія исторіографіи, то работа Лекки есть ея Божественная Комедія и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—всемирный Страшный Судъ: изъ ада средневѣковой Церкви, освѣщаемой христіанскими кострами для сожженія еретиковъ, Лекки, черезъ чистилище реформаціонной борьбы, ведетъ къ раю умственной свободы“ ⁴⁾. Но восторженные рецензенты и читатели совершенно упускали изъ виду, что не „все (буде-бы)“ сокрушившій авторитетъ церковной іерархіи, терпѣвшей только одно пло-

¹⁾ Draper. History of the Conflict between Religion and Science. London, 1876, 52; ср. 157.

²⁾ Lecky. Geschichte des Ursprungs und Einflusses der Aufklärung in Europa. Leipzig und Heidelberg, 1868. I, 215.

³⁾ Тамъ-же. I, 214.

⁴⁾ Тамъ-же. Vorrede des Uebersetzers. VIII—IX.

ское тупоуміе, да пизконоклопную леств" ¹⁾, и не ученіе о боговдохновенности Свящ. Писанія были причиною того, что суевѣріе будто бы, какъ думаетъ Лекки ²⁾, „покрыло собою все области человѣческаго знанія“. Причиною, прежде всего, было то, что общій строй средневѣкового міро—и жгзне-воззрѣнія, въ которомъ симпатіи народа и самой интеллигенціи совпадали съ церковными не по принужденію, а по убѣжденію и добровольно, были направлены не въ сторону реалистической и натуралистической любознательности, а въ совершенно иную область ³⁾. Что Средніе Вѣка были *не противъ науки*, но что имъ было *не до науки*, что этотъ долгій періодъ исторіи, при болѣе старательномъ и безпристрастномъ обследованіи, оказался вовсе не такимъ застойнымъ и неподвижнымъ, какъ долго думали, что ему были свойственны и потребность въ дѣльной, стройной, глубоко продуманной культурѣ, и широкіе отвѣты на эту потребность, но только въ самобытномъ смыслѣ и въ своеобразныхъ формахъ, чуждыхъ и непонятныхъ для поклонниковъ односторонняго противурелигіознаго рачіонализма,—это все выяснилось въ сравнительно недавнее время, лишь послѣ цѣлаго ряда новыхъ, расширенныхъ и углубленныхъ изслѣдованій въ областяхъ исторіи философіи, литературы, искусства, политической экономіи, государственнаго и правоваго строя и обще-культурныхъ условій быта Среднихъ Вѣковъ. Обнаружились такимъ образомъ не только разнообразіе и богатство этой оригинальной культуры, но и обиліе и важность попытокъ отклоненія отъ ея главнаго теченія. И если, тѣмъ не менѣе, послѣднимъ не удавалось добиться широкаго успѣха, то причиною тому, какъ выяснилось тѣми-же изслѣдованіями, было далеко не одно преслѣдованіе со стороны Церкви, а, въ не-

1) Jolowitz. Ibid. VI.

2) Lecky. Geschichte der Aufklärung. I, 213.

3) Совершенно вѣрно замѣчаетъ Roure. En face du fait religieux. Paris, 1908, 207: „не религіозныя опасенія приостановили въ Средніе Вѣка прогрессъ наукъ, а направленные въ иную сторону заботы и стремленія. Ни одна вѣкъ не въ силахъ обнять собою все... но балансъ человѣческой дѣятельности, если бы было только возможно возстановить его во всей полнотѣ примѣнительно къ этимъ, не достаточно и невѣрно познаннымъ временамъ, показалъ бы, что они имѣли бы мало оснований завидовать нашему времени“ (относительно энергіи дѣятельности).

сравненно большей степени, дружное преобладаніе въ обществѣ убѣжденій и настроеній, противоположныхъ этимъ отклоненіямъ.

Но, повторяемъ, для одностороннихъ рационалистическихъ историковъ шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ этихъ соображеній не существовало. Органическое объясненіе сложнѣйшихъ культурныхъ процессовъ они замѣняли объясненіемъ механическимъ, прямолинейная простота коего была обратно пропорціональна степени глубины и вдумчивости. „Исторія столкновеній между религіей и наукою“ Дрэпера, какъ по заглавію, такъ и по общей точкѣ зрѣнія, является наиболѣе характернымъ образцомъ этого рода критики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, произведеніемъ, особенно сильно, рядомъ съ трудомъ Бѣкля, повліявшимъ на отношеніе, быть можетъ, цѣлаго поколѣнія къ данному вопросу. То, что, въ дѣйствительности, было *лишь однимъ изъ слѣдствій* средневѣковаго міровоззрѣнія, и притомъ для него далеко *не первостепеннымъ* по значенію,—равнодушіе къ наукѣ,—возведено было здѣсь въ *центральное начало* всей духовной жизни цѣлаго періода міровой исторіи и было изъ явленія пассивнаго, естественно возникающаго, превращено въ *активное*, будто бы искусственно, предумышленно и даже *тенденціозно* проводившееся и злоумышленно, по нечистымъ побужденіямъ, обострявшееся Церковью. Исторія науки для Дрэпера и его послѣдователей стала такимъ образомъ „повѣстью о столкновеніи ученаго разума съ обскурантизмомъ вѣры“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „продолженіемъ борьбы христіанства изъ-за обладанія политическою властью“ ¹⁾. Эту, столь грубо-ошибочную точку зрѣнія авторъ ставитъ себѣ въ заслугу, похваляясь, что до него никто еще не трактовалъ такимъ образомъ исторію науки ²⁾.

Другой, хотя и болѣе умѣренный по взглядамъ американскій же историкъ того же процесса, Уайтъ ³⁾ превратилъ его изъ столкновенія „(The Conflict“ у Дрэпера) уже въ на-

¹⁾ Draper. History of the conflict between Religion and Science. London, 1876; Preface, p. VI—VII.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Онъ признаетъ, что христіанство многое сдѣлало для науки, что оно часто двигало ее впередъ White. The Warfare of Science. London 1876, 9.

стоящую „войну“ („The Warfare of Science“): оны воспѣвають „великую, священную борьбу за свободу науки, войну болѣе долгую, съ боями болѣе лютыми, чѣмъ вся, сравнительно, преходящая войны Цезаря, Наполеона или Мольтке“.

Цѣлью историческихъ обзоровъ этого рода, по признанію Тундэля, было „показать вѣрующимъ и міру вообще, что, въ противовѣсъ благамъ, дарованнымъ религіозными ассоціациями человѣчеству, имѣется общирный лебеть совершеннаго ими зла, продолжаемаго Церковью, по крайней мѣрѣ католическою, 1) и понижѣ 2). А вотъ и конечныя заключенія такого рода разслѣдованій въ формулировкѣ Дрэпера. „Интересы религіи относятся къ области духовнаго, то есть, воображаемаго; интересы же науки—всещѣло къ міру реальнаго и практическаго“. Отсюда неизбѣжный, будто бы, выводъ: „во-1), невѣжество есть мать религіознаго благочестія; во-2), знаніе есть сила“ 3). Борьба, длившаяся вѣка, должна всыхнуть съ еще большимъ ожесточеніемъ; но исходъ ея очевиденъ: основанное на вымыслѣ и подлогѣ будетъ низринуто; вѣра должна дать отчетъ о себѣ разуму; таинственность, загадки должны уступить мѣсто фактамъ. Религія принуждена будетъ сдать повелительную позицію, столь долго ею удерживаемую, наукѣ“ 4).

Въ наши дни столь рѣзкій тонъ, къ счастію, выпелъ изъ моды у историковъ, но у нѣкоторыхъ естествоиспытателей, болѣе самоувѣренныхъ, чѣмъ широко образованныхъ, оны еще, заднимъ челомъ, раздаются иногда, какъ въ дни былые. Такъ, напримѣръ, бреславскій химикъ Ладенбургъ въ своей рѣчи „О вліяніи естественныхъ наукъ на міровоззрѣніе“, произнесенной на Съѣздѣ нѣмецкихъ натуралистовъ и врачей въ 1903 г., не церемонился повторить старую пѣсню

1) Во всей этой полемикѣ противъ Церкви особенно доставалось католицизму: Дрэперъ, напримѣръ, видѣлъ въ немъ только „широкую систему обмана и падувательства“ (р. 284); къ протестантизму оны относился гораздо снисходительнѣе, а къ православной Церкви даже совсѣмъ милостиво: она-де никогда, со времени возрожденія, не выступала въ походъ противъ прогресса знаній; наоборотъ, всегда привѣтствовала его, храня почтительное отношеніе къ истинѣ, откуда бы она ни происходила р. X.

2) Предисловіе Тундэля къ книгѣ White'a, р. IV.

3) Draper, 326.

4) Draper, 367.

„о тысячелѣтнемъ средневѣковомъ царствѣ невѣжества, суевѣрія и религіознаго безумія“, когда „вмѣсто голоса разума, слышенъ былъ хоръ ста тысячъ дураковъ“ ¹⁾, и вывести заключеніе, что „естествознаніе, послѣдовательно и до конца проведенное, приводитъ къ отрицанію всякой положительной религіи“ ²⁾.

Рядомъ съ этими задорными голосами раздавались, конечно, иногда и призывы къ миру, къ нейтралитету между религіей и наукой, но все-же съ вполнѣ опредѣленнымъ заявленіемъ, что „побѣда остается за послѣднею“ ³⁾. Исторія борьбы, говоритъ Уэйтъ, убѣждаетъ, что бывшимъ врагамъ, богословамъ и естествоиспытателямъ, слѣдуетъ отнынѣ стать друзьями и мирно трудиться на общей нивѣ прогресса. Ясно однако, что, изъ двухъ враждовавшихъ въ прошломъ силъ, контролемъ истины и руководительницею жизни въ будущемъ станетъ наука, не во вредъ, а во укрѣпленіе религіи ⁴⁾. Многое въ религіи, замѣчаетъ Сэвэдъжъ, низвергнуто и развѣяно въ прахъ наукою; но все это, въ строгомъ смыслѣ,— не религія, а только ложныя теоріи человѣческія; религія же, очистившись отъ нихъ, неизмѣримо выиграла отъ пораженій, нанесенныхъ ей наукою ⁵⁾.

Какое возбуждающее, антирелигіозное дѣйствіе оказывали подобныя рѣчи, подкрѣпляемые будто-бы неопровержимыми свидѣтельствами исторіи цивилизаціи,—это многіе изъ насъ помѣли, конечно, случай наблюдать въ былые годы, а можетъ быть, и испытывать на себѣ лично. Рядомъ съ такими, навидь научными, въ дѣйствительности же памфлетными, обвинительными историческими процессами противъ религіи пропадали почти незамѣченными работы дѣйствительно серьезныя и безпристрастныя на ту же тему, напримѣръ, Цѣклерова не краснорѣчивая, не изумительная по объему огромной, превосходно усвоенной литературы предмета „Исторія отношеній богословія къ естествознанію“ ⁶⁾. Равнымъ обра-

¹⁾ Ladenburg. Ueber den Einfluss der Naturwissenschaften auf die Weltanschauung. Leipzig, 1903, 7—8.

²⁾ Тамъ-же, 31—32.

³⁾ White, 145.

⁴⁾ White, 145—149.

⁵⁾ Savage. Religion of Evolution. Boston. 1891. 20, 22.

⁶⁾ Zückler. Geschichte der Beziehungen Zwischen Theologie und Naturwissenschaft. Gütersloh. 1877 ff.

зомъ лишь тѣсному кругу спеціаллистовъ оставались извѣстными солидныя монографическія работы отъ отдѣльныхъ выдающихся ученыхъ былыхъ временъ, работы, изъ которыхъ съ одной стороны явствовала глубокая связь большинства этихъ великихъ людей съ религіознымъ настроеніемъ ихъ времени, а съ другой раскрывались точныя мотивы отношеній церковной власти къ нимъ и къ ихъ открытіямъ. Сколько преувеличенныхъ и тенденціозныхъ сужденій объ отношеніи, напримѣръ, къ коперниканской системѣ и къ Галилею, такъ часто повторявшихся въ общедоступныхъ статьяхъ, книжкахъ и публичныхъ чтеніяхъ, приходится значительно смягчить или совсѣмъ отбросить послѣ внимательнаго изученія нынѣ опубликованныхъ, сюда относящихся документовъ ¹⁾ и при болѣе полномъ, нежели прежде, знаніи условій тогдашней культурной среды! Но многіе-ли изъ вопіющихъ о жестокости и обскурантизмѣ Церкви противъ великихъ „мучениковъ науки“ знакомы съ подлинными первоисточниками отношеній къ нимъ? точно такъ же, какъ многіе-ли изъ громогласныхъ метателей за судьбу „мученика философіи“, Джордано Бруно, хотя бы одинъ разъ въ жизни поинтересовались заглянуть внимательно въ его творенія, огромному большинству даже по своимъ заглавіямъ неизвѣстныя, и тѣмъ почтили бы его болѣе и правдивѣе, нежели криками сожалѣнія о томъ „герое мысли“, котораго они не только не знаютъ, но и узнать не стараются?.. ²⁾

¹⁾ Кромѣ работъ Prowe о Коперникѣ см. D. Bertі. Copernico e le vicende del sistema copernicano in Italia. Roma, 1874, гдѣ даны, въ приложеніи интересные документы о Коперникѣ, Галилей и Бруно.—Акты Галилеева процесса появились въ двухъ изданіяхъ: Les pièces du procès de Galilée par H. de l'Épinois. Rome et Paris, 1887 и Die Akten des galileischen Processes nach der vaticanischen Handschrift hrsg. v. Gebler. Stuttgart. 1867. Ср. Schantz. G. Galilei und sein Prozess nach der neuesten Forschung. Würzburg, 1878. Послѣдующіе изслѣдователи вопроса о преслѣдованіи Галилея все болѣе укрѣпляются въ выводѣ, что главною причиною гоненія были не принципиальные мотивы, а личные, со стороны іезуитовъ и сторонниковъ перипатической философіи. См. между прочимъ объ этомъ Saverni. Storia del metodo sperimentale in Italia. Т. II. 346 sqq. Firenze, 1892.

²⁾ Лучшимъ доказательствомъ тому служить безуспѣшность усилій осуществить изданіе полного собранія его трудовъ, о чемъ, какъ объ актѣ національной неблагодарности, скорбѣлъ итальянскій министръ на роднаго просвѣщенія Доменико Берти (Berti. G. Bruno da Nola; sua vita e sua dottrina. Nuova (2-a) edizione. Torino Roma. 1859, 20—21), знатокъ

IV.

Подготовленное всѣми вышеочерченными условіями предубѣжденіе о несогласности вѣры съ наукою сразу окрѣпло и получило широкое распространеніе, благодаря появленію дарвинизма. „Исторія (замѣчаетъ одинъ „свободомыслящій“ писатель) не знаетъ другого примѣра, подобнаго той великой революціи, какую произвѣлъ въ области религіозной мысли дарвинизмъ... Ничто не оказывало столь широкаго и энергичнаго вліянія на умы, ничто столь ни умножило ряды отступниковъ отъ правовѣрія, какъ теорія „Дарвина“ ¹⁾. Теперь, когда побѣдоносная волна увлеченія дарвинизмомъ смѣнилась рѣшительнымъ отливомъ сочувствія, не легко уже возстановить во всей ясности первоначальную силу впечатлѣнія, произведеннаго новою теоріей на людей самыхъ разнородныхъ убѣжденій. Когда, въ 1863 г., Геккель на Штетинскомъ съѣздѣ естествоиспытателей впервые публично излагалъ Дарвинову теорію развитія, его рѣчь была встрѣчена прощесскими улыбками, какъ „послѣобѣденный сонъ размечтавшагося ученаго“. Но съ поразительною быстротою большинству серьезныхъ умовъ стало ясно, что выдвинутая на первый планъ вопросъ величайшей важности, вопросъ о твореніи и что новое рѣшеніе его гласило: „природа сама себя создаетъ и совершенствуется“ ²⁾. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изображается этотъ переворотъ въ вольнодумной агитаціонной литературѣ: „до 1859 года научныя мнѣнія относительно процесса развитія органическаго міра были

Бруно, много имъ занимавшійся, но „не желавшій, чтобы его смѣнивали съ толпою буйныхъ поклонниковъ Ноланда“ (L. с.). Предпринятое въ 1879 г. (черезъ 43 года послѣ неполнаго изданія *нѣмецки* Гфререромъ) изданіе латинскихъ сочиненій остается и до сихъ поръ незаконченнымъ; итальянскія сочиненія, изданныя *нѣмецки* Вагнеромъ въ Германіи въ 1830 г., ждали болѣе полувѣка перепечатки *нѣмецки* же Делагардомъ (въ 1858 г.), и только въ 1907—8 г.г. нашелся итальянецъ (giov. gentile), издавшій ихъ. наконецъ, въ Италіи (Vare), гдѣ не читающіе Бруно „буйные поклонники его“ ежегодно устраиваютъ однако, въ честь его, анти церковную демонстрацію!

¹⁾ Fred. Millar. Darwinism and Religious Thought. London. p. 1, 3.

²⁾ R. Francé. Der heutige Stand der Darwin'schen Fragen. 2 Aufl. Leipzig, 1907, 16.

хаотичны: мужи науки бродили оцунью, въ потемкахъ; на вопросъ вѣрующихъ, признававшихъ специальное твореніе: „что можете вы предложить убѣдительнаго вмѣсто него?“—отвѣчать было печено; но вотъ явился Дарвинъ... и „бысть свѣтъ!“ Его книга была сигнальною ракетой, разогнавшею мракъ и ставшею путеводною звѣздой для досель ослѣпленныхъ... Свершился замѣчательнѣйшій, богатый отдаленными слѣдствіями переворотъ въ религіозныхъ взглядахъ мыслящей части христіанства... Еще вчера исторія творенія по книжѣ бытія была принята даже образованными людьми, какъ несомнѣнно истинная; сегодня на нее смотрятъ какъ на отжившую свое время легенду; еще вчера вѣра въ управленіе міромъ специальнымъ провидѣніемъ пользовалась почти всеобщимъ одобреніемъ; сегодня она отброшена каждымъ вдумчивымъ умомъ, какъ лишенный всякой цѣны догматъ; вчера аргументъ цѣлесообразности въ природѣ удовлетворялъ большинство мыслящихъ людей; сегодня, при свѣтѣ закона естественнаго подбора, онъ сталъ никуда негоднымъ... Вчерашнее мѣсто Бога, правящаго міромъ по Своему произволу, внимавшему молитвамъ и отвѣчавшему на нихъ, сегодня занялъ новый богъ—непостижимая сила, движущая все по неизмѣннымъ естественнымъ законамъ и не слышащая ни волеи угнетенныхъ, втонтанныхъ въ прахъ вдовъ и сиротъ, ни предемертныхъ стоновъ миллионъ существъ, гибнущихъ въ неумолимой борьбѣ за существованіе“ 1)... Казалось бы, есть чѣмъ хвалиться и чему ликовать, даже если бы предположеніе и было вѣрно! И однако и хвалились, и ликовали! Даже такой серьезный философъ, какъ Гартманъ, заявлялъ, что „у насъ, сыновъ новаго времени, нѣтъ выбора отклонять-ли или принимать (дарвиново) ученіе о прехожденіи видовъ: мы должны его принять, потому что мы уже не въ состояніи держаться за чудо творенія въ его грубой формѣ“ 2). А болѣе легкомысленные восклицали: „некуда укрыться отъ факта, что дарвинизмъ вполне взорвалъ на воздухъ христіанскую вѣру... и не оставилъ даже тынн надежды на будущую жизнь“ 3).

1) Millar. 1—2.

2) Ed. v. Hartmann. Wahrheit und Irrthum in Darwinismus. 1875, 24.

3) Millar. 5: 8--9.

. Подъ вліяніемъ такого настроенія въ средѣ „свободолюбиващихъ“, раздался и въ перепуганныхъ церковныхъ кругахъ тревожный кликъ: „дарвинизмъ есть отрицаніе христіанства“, пожалуй, „каждаго положенія христіанской вѣры!“¹⁾ Даже такимъ осторожнымъ и несклоннымъ къ невѣрью умамъ, какъ Ромэнесъ, казалось, что „христіанство, въ смыслѣ рациональной системы, не выдержитъ удара, нанесеннаго ему дарвинизмомъ, одновременно съ развитіемъ отрицательно-критической школы богословія“²⁾. Другой, также очень осмотрительный мыслитель, высоко цѣнимый Дарвиномъ³⁾, американецъ Фиске назвалъ новую теорію эволюціи величайшею изъ революцій въ исторіи человѣческаго міропониманія, полнымъ переворотомъ въ концепціи вселенной, превращенной отнынѣ изъ сотворенной въ растущую и саморазвивающуюся. Этимъ, будто-бы, „вырвана была послѣдняя пядь земли изъ подъ ногъ богослововъ, отстанивавшихъ идею созданія міра сверхъестественнымъ процессомъ, руками Творца“⁴⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ была, утверждали дальше, „во мгноveníе ока опрокинута и вся старинная телеологія“⁵⁾, а съ нею, какъ казалось матеріалистамъ, „и самое употребительное, сильнѣйшее, популярнѣйшее и якобы неопровержимое доказательство бытія Бога“⁶⁾. „Дарвинъ, этотъ Коперникъ и Ньютонъ органической природы“, восклицаетъ Геккель⁷⁾ „еднимъ махомъ убилъ папаваль антропоцентризмъ міра и антропоморфизмъ Бога, очеловѣченіе вселен-

1) White. The Warfare of Science, 147.

2) Romanes. Gedanken über Religion. Göttingen, 1899, 136.

3) По поводу его статей Дарвинъ писалъ: „я никогда въ жизни не читалъ болѣе яснаго излагателя, а слѣдовательно, и мыслителя, какъ вы... Мнѣ было отрадно замѣтить, что я самъ, своими необработанными мыслями, пришелъ къ однимъ заключеніямъ съ вами, хотя и никогда не могъ, или лишь нрѣдка былъ въ состояніи указать свои основанія для этихъ выводовъ“. Ch. Darwin въ отзывѣхъ о сочиненіяхъ Фиске, приложенныхъ къ Fiske. Idea of God, as affected by Modern Knowledge. Boston and New York. 1893, признаніе чрезвычайно важное для опредѣленія расцѣпки самимъ Дарвиномъ своихъ теоретическихъ, принципиальныхъ положеній.

4) Fiske. Idea of God, 131—133.

5) Idem, 128.

6) Büchner. Das Gottesbegriff und dessen Bedeutung in der Gegenwart. Leipzig, 1874, 24 ff.

7) Геккель. Мировыя загадки, 1907, 260; 263.

пой и вочеловѣченіе Бога“¹⁾ и „дать намъ ключъ къ вопросу всѣхъ вопросовъ, къ великой загадкѣ положенія чело-вѣка въ природѣ и его происхожденія“²⁾. „Магическое слово „развитіе“ разрушило мистическую проблему творенія“³⁾. „Изъ всѣхъ вопросовъ нашего вѣка (добавляетъ Сэвэдждъ) не было, по насущной, практической, неотложной важности, ни одного, способнаго приблизиться къ вопросу, возбужденному Спенсеромъ, Дарвиномъ и Геккелемъ. Если эволюція—истина, что-же остается отъ религій?“⁴⁾. И представи-тели невѣрія дружнымъ хоромъ отовсюду отвѣчали: „ничего!“.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось⁵⁾: въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка дарвинизмъ побѣдоносно облетѣлъ всѣ культурныя страны; о какихъ-либо ограниченіяхъ его не хотѣли слышать⁶⁾: въ 80-хъ го-

1) Haeckel. Der Monismus. 6 Aufl. Bonn, 1893, 13.

2) Мировыя загадки, 14—15.

3) Тамъ-же, 87, 241—242.

4) Savage. Religion of Evolution. Boston, 1891, 35; 5.

5) Хорошій обзоръ переменъ, происшедшихъ въ самомъ дарвинизмѣ и въ отношеніяхъ къ нему можно найти у R. H. Francé. Der heutige Stand der Darwin'schen Fragen. (2 Aufl. von Die Weiterentwicklung des Darwinismus) Leipzig, 1907; G. Wolff. Der gegenwärtige Stand des Darwinismus, Leipzig, 1896. M. Kassowitz, Die Krisis des Darwinismus въ Zukunft, 1902, Februar; H. Meyer. Der gegenwärtige Stand der Entwicklungslehre. Bonn. 1908. А. А. Тихомировъ. Судьба дарвинизма. СПб. 1907; E. v. Hartmann, Der Darwinismus seit Darwin въ Annalen der Naturphilosophie, hrsg. v. Ostwald. II B., 285 ff. (Leipzig, 1903); въ его же Das Problem des Lebens. 1906, 1—77. Reincke Die Welt als That. 5 Aufl 1908, 391 ff.—Съ консервативно—дарвинистической точки зрѣнія ср. статью А. Р. Уоллеса, Современное состояніе дарвинизма—въ прибавленіи къ его книгѣ—Дарвинизмъ 2 русс. изданіе, Москва, 1911, 546 и слл

6) Самый видный примѣръ этой предубѣжденности—неуспѣхъ крупнаго труда Альберта Виганда. Der Darwinismus und die Naturforschung Newtons und Cuviers. Braunschweig, 1874—77, глубокое значеніе котораго позднѣе признали сами, отрезвившіеся отъ своего увлеченія, дарвинисты. Столь же маловліятельными оказались при своемъ опубликованіи возраженія противъ Дарвинова ученія Карла фонъ Бэра (1886), Нэгели и другихъ солидныхъ биологовъ. Еще менѣе, разумѣется, считались съ несочувствіемъ представителей другихъ естественныхъ наукъ, хотя бы даже и такихъ знаменитостей, какъ физикъ Кельвинъ (W. Thomson-Kelvin. Popular Lectures and Addresses. London, 1894. II, 204) и астрономъ Гершель, иронически называвшій теорію естественнаго подбора „тайнственнѣйшею изъ тайнъ“.

дахъ онъ царить почти полновластно въ ученыхъ кругахъ; въ 90-хъ противъ него стали раздаваться уже съ успѣхомъ сначала отдѣльные, потомъ—соединенные голоса, а въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка „его упадокъ представляется уже неудержимымъ“¹⁾. Сравнительно немногочисленнымъ, дѣйствительно компетентнымъ и авторитетнымъ біологамъ, упорствующимъ въ вѣрности не только его широкимъ обобщеніямъ, но и детальнымъ выводамъ, приходится сдавать противникамъ многія изъ прежнихъ позицій, казавшихся неприступными, и съ трудомъ защищать остающіяся²⁾. „Значительное большинство представителей современнаго естествознанія—противники дарвинизма“, писалъ Г. Мейеръ въ 1908 г.³⁾, а Гетте уже десятью годами раньше указывалъ на то, что многіе натуралисты придерживаются дарвинистическихъ теорій только ради защиты механическаго объясненія целесообразности противъ растущей склонности новѣйшихъ біологовъ къ витализму⁴⁾,—положеніе, по выраженію Дю-Буа-Реймона, „сходное съ ощущеніемъ утопающаго, хватающагося за легковѣсную дощечку“⁵⁾. Цѣлый рядъ ревностныхъ сторонниковъ перешелъ съ теченіемъ времени къ противоположнымъ убѣжденіямъ, а остающіеся вѣрными дарвинизму признають не только наличность кризиса въ немъ, но и то, что за 40 лѣтъ остаются все еще не сбывшимся надежды подтвердить его теоріи фактическими доказательствами“⁶⁾.

Если таковы признанія сторонниковъ дарвинизма, то неудивительно, что съ точки зрѣнія его рѣшительныхъ противниковъ онъ „отнюдь не можетъ считаться теоріей хоть сколько нибудь научно-обоснованной“, а является „полнымъ

1) Hartmann. Problem des Lebens, 13, 71.

2) Списокъ „уцѣлѣвшихъ“ основныхъ положеній теоріи развитія у France, op. cit. 156 ff., съ точки зрѣнія иначе-мыслящихъ, могъ бы, разумѣется, оказаться еще короче.

3) H. Meyer. Der heutige Stand der Entwicklungslehre, 14.

4) Hartmann, Problem des Lebens, 74. О надеждахъ, возлагавшихся на Дарвинову теорію сторонниками механическаго міровоззрѣнія и о послѣдующемъ разочарованіи въ ней въ этомъ смыслѣ, при соответствующемъ поворотѣ въ сторону витализма, см. Braeunig. Mechanismus und Vitalismus in der Biologie des XIX Jahrhunderts. Leipzig, 1907, 85 ff.

5) Hartmann, 73.

6) В. F. v. Wagner въ Umschau. 1900. ? Heft у Hartmann, 77.

недочетовъ и невозможныхъ противорѣчій“¹⁾. Для нѣкоторыхъ онъ уже—„на смертномъ одрѣ“²⁾, а по мнѣнію Дриппа онъ уже—„достояніе прошлаго, исторіи, въ качествѣ курьеза минувшаго вѣка,... для понимающихъ дѣло онъ уже давно умеръ, и то, что за послѣднее время еще приводится въ его пользу, мало чѣмъ отличается отъ похоронной рѣчи, управляемой по правилу „de mortuis nihil, nisi bene“, со внутреннимъ однако сознаниемъ несостоятельности того, что защищается“³⁾. Конечно, далеко не всѣ раздѣляютъ столь полное разочарованіе въ недавнемъ увлеченіи и многіе присоединяются къ мнѣнію, высказанному Гертвигомъ на Аахенскомъ съѣздѣ натуралистовъ (1900 г.), что „если бы Дарвинова гипотеза даже и была совсѣмъ отброшена, эволюціонное ученіе все же осталось-бы, въ качествѣ фактически-обоснованнаго, одного изъ величайшихъ завоеваній нашего вѣка“⁴⁾; многіе еще готовы согласиться съ „итогомъ“, выведеннымъ Гартманномъ: „дарвинизмъ осужденъ; эволюціонное ученіе обезпечено“⁵⁾ и принять въ серьезномъ смыслѣ полупроническое восклицаніе Деннерта: „дарвинизмъ умеръ! да здравствуетъ эволюціонное ученіе!“⁶⁾,—по во всякомъ случаѣ, сколько нибудь знакомому съ современными теченіями въ біологіи ясно, что о прежней восторженной вѣрѣ въ полную или даже существенную непреложность дарвинизма въ наши дни не можетъ быть и рѣчи. Штейнманъ

1) А. А. Тихомировъ, Вина науки. Москва, 1907, 45, 7, 43, 39: „въ разсужденіяхъ Дарвина о красотѣ въ живомъ мірѣ, о нравственномъ чувствѣ человѣка, о любви—нѣтъ и тѣни научности; во вѣдь таковъ по существу и весь дарвинизмъ“. Ср. его же Въ области біологіи. Москва, 1909, 33—34 и Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ. СПб. 1910, 10.

2) Vom Sterbelager des Darwinismus,—такъ озаглавилъ Деннертъ сборникъ своихъ журнальныхъ статей противъ дарвинизма, Stuttgart., 1903.

3) Biologisches Zentralblatt. 1896, 355 и 1902, 182. Въ своихъ Диффордскихъ чтеніяхъ (1907 года) тотъ же біологъ, отличая взгляды самого „не-догматика и не-матеріалиста“ Дарвина отъ грубаго „догматическаго дарвинизма“ его послѣдователей, особенно нѣмецкихъ, находитъ, что этотъ, „дошедшій до абсурда“ догматизмъ, „паль по всей ливіи“. Hans Driesch. The Science and Philosophy of the Organism. London, 1908, 260—261, 269.

4) Приведено у Wasmann. Die moderne Biologie und die Entwicklungstheorie 3 Aufl. Freiburg, 1906, 267.

5) Hartmann. Problem des Lebens, 77.

6) Такъ у Francé, op cit., 36.

(ректоръ Фрейбургскаго университета), съ точки зрѣнія данныхъ палеонтологіи, замѣчаетъ: „давно прошло то время, когда Дарвиновы объясненія считались людьми лавинодо-вѣрчивыми за альфу и омегу эволюціоннаго ученія“ ¹⁾, а извѣстный мюнхенскій біологъ Паули ставитъ слѣдующій, еще болѣе рѣзкій приговоръ надъ прошлымъ ученымъ увлеченіемъ: „вся задача критики Дарвинова псевдообъясненія должна ограничиться отдѣленіемъ другъ отъ друга двухъ связанныхъ въ ней телеологій. Отсѣченное отъ всякой связи съ истинною телеологіей, изолированное въ области чистаго ученія о случаѣ, безсиліе начала отбора столь очевидно, что ни одинъ здравомыслящій человекъ не можетъ и думать о дальнѣйшей поддержкѣ его... Никто въ настоящее время не осмѣлится отвѣтить утвердительно на вопросъ: „могли ли организмы быть образованы случайно“,.. и для потомковъ будетъ казаться парадоксомъ въ исторіи нашего времени, что наука дерзнула перепрыгнуть черезъ ту логическую необходимость, отъ которой человекъ никогда не можетъ быть избавленъ и которой не могло бы противорѣчить и само Дарвиново мышленіе, если бы эту тяжкую ошибку сужденія не сокрыла отъ него истинная телеологія, съ которою связанъ былъ его злополучный принципъ ²⁾, но связанъ ненослѣдовательно и несправомочно.

Переворотъ, происшедшій въ области дарвинизма и въ отношеніи къ нему компетентныхъ лицъ, разумеется, не безызвѣстенъ въ кругахъ, изъ которыхъ исходитъ агитаціонная литература невѣрія: но здѣсь этого рода факты упорно замалчиваются; здѣсь публикѣ продолжаютъ доносить, что будто бы въ главной ученой твердынѣ атеистическаго міровоззрѣнія все обстоитъ благополучно; что, „хотя кое-гдѣ и обнаруживались пробѣлы въ Дарвиновомъ ученіи, тѣмъ не менѣе его можно назвать единственнымъ, выдержавшимъ огненное испытаніе объективной критики естествознанія“ ³⁾. Здѣсь не только эволюціонная теорія въ общихъ чертахъ прославляется какъ „высшее пріобрѣтеніе всей духовной жизни человека“ ⁴⁾, но даже ученіе о половомъ подборѣ,

1) Steinmann. Freiburger Rektoralsrede, 1899, J. 63 у Meier, 15.

2) Aug. Pauly. Darwinismus und Lamarkismus. München, 1905, 40, 41.

3) Specht. Theologie und Wissenschaft. 4 Aufl. Gotha. 1893, 127.

4) Idem, 279

по словамъ Паули, „безчисленное число разъ уничтоженное критикою“ ¹⁾ и отъ котораго (говоритъ В. Шнеэнъ), за немногими исключеніями, отвернулись все новѣйшіе натуралисты какого бы то ни было направленія“ ²⁾, продолжаетъ слыть за „достопочтенную петлю, затрогивать которую считается оскорбленіемъ великаго имени“ ³⁾, за ученіе „вполнѣ доказанное“ ⁴⁾ за „сумму всехъ процессовъ и всей кажущейся цѣлесообразности во всемъ органическомъ мірѣ“ ⁵⁾. Популяризаторы тенденціознаго знанія и понышѣ твердятъ, что „дарвинизмъ—не рядъ только гипотезъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые тихходы мысли, а законы простѣйшаго и потому вѣрнѣйшаго объясненія явленій жизни. Отрицающіе ихъ примѣнимость къ человѣку должны быть заподозрѣны относительно способности дѣлать самыя элементарныя логическія заключенія“ ⁶⁾, а ученые, дерзающіе упрекать дарвинизмъ въ проблематичности и бездоказательности его заключеній, обзываются „попами науки, оставляющими одно міровоззрѣніе про себя, а другое—для женщинъ и для простонародья“ ⁷⁾. Въ противодѣйствіе обскурантизму и рекомндуется скорѣйшее распространеніе среди народа дарвинизма, какъ ученія, будто бы превосходящаго всякое другое по умственной и нравственной пользѣ ⁸⁾.

Несомнѣнно, главнымъ побудительнымъ мотивомъ пропаганды эволюціоннаго ученія въ той агитаціонной средѣ, о которой мы говоримъ, являются выводимыя изъ него антирелигіозныя заключенія. Ихъ позволяютъ себѣ дѣлать не въ однихъ популярныяхъ брошюрахъ и листкахъ, но и съ

1) Pauly. Darwinismus und Lamarckismus, 42.

2) W. v. Schpehen. Energetische Weltanschauung. Leipzig, 1908, 86—87; 72.

3) Pauly, l. c.

4) Такъ въ изумительной по догматической безцеремонности книжкѣ проф. П. И. Ковалевскаго. Міроздавіе, 45, 86 и слл.

5) Specht, 181; 187.

6) Idem, 225—6.

7) Idem. 288.

8) Idem, 226—7. „Для дехристианизованныхъ круговъ ученіе Дарвина было прямо желательной находкой“, замѣчаетъ А. А. Тихомировъ. Въ области біологіи, 23,—а Денвертъ полагаетъ, что антихристианскія тенденціи Геккелева мовизма являются главнымъ привлеченіемъ къ нему среди мало развитой части общества. Dennert. Die Naturwissenschaft und der Kampf um die Weltanschauung. 1905. Frankfurt a. M., 5 ff.

университетскихъ кафедръ: такъ профессоръ біологій Ле-Дантекъ, читающій въ Сорбоннѣ, объявляетъ, что „въ міръ все происходитъ такъ, какъ будто Бога не существуетъ: „слово Богъ ничего не объясняетъ, если въ міръ есть загадки, ихъ не зачѣмъ умножать еще одною—Богомъ“¹⁾.

Другой, парижскій же профессоръ, въ 1909 г. позволялъ себѣ такую тираду: „душу выдумали богословы; но (въ научномъ смыслѣ) она ни къ чему не нужна“²⁾. Основанный Геккелемъ „Союзъ монистовъ“ не церемонится распространять такого рода догматическія утвержденія, напримѣръ: „природа есть единое и единственное сущее; кромѣ природы принимать еще что-то, сверхъ—или вѣвъ-природное, такое, что произвело самое природу и что руководитъ ею,—къ этому нѣтъ никакихъ основаній. Природа—все: она—наивысшее и всеобъемлющее; вѣвъ ея ничего быть не можетъ, и въ особенности не можетъ быть никакого отъ нея отличнаго, надъ нею стоящаго божества: для такового нигдѣ мѣста не имѣется“³⁾. „По вопросу о Богѣ“, восклицаетъ анархистъ Вивіани, „все огни угасли на небѣ“ и, прибавляетъ социаллистъ Жоресъ, „все голоса смолкли на землѣ“⁴⁾.

Какъ бы поверхностны и фатапчны ни были подобныя пріемы распространенія невѣрія, нельзя отрицать того, что они пользуются не малымъ успѣхомъ, и притомъ отнюдь не въ одной народной средѣ, которую, какъ видимъ, одурачиваютъ не всегда одни только „попы науки“. Даже въ широкомъ кругу западной и нашей интеллигенціи предубѣжденіе о несогласности данныхъ науки съ ученіемъ религіи чрезвычайно распространено, причѣмъ основою этого предубѣжденія является для подавляющаго большинства не самостоятельное обслѣдованіе даннаго вопроса, а слѣпое довѣріе къ установленному въ этой средѣ выводу, будто все или почти все ученые—невѣрующіе. Въ установленіи этого, со-

¹⁾ F. Le Dantec. Le Conflit. Entretiens philosophiques. Paris 1901, 73, 147. 237—238.

²⁾ Guibert, Les croyances religieuses et les sciences de la nature. Paris, 1909, 24.

³⁾ Kramer-Magdeburg. Die Religion der Zukunft - Deutscher Monisten-Bund.— Propaganda Flugschrift der Ortsgruppe Hamburg. Verlag des Deutsch. Monist.—Bundss. Hamburg, 1908. 5.

⁴⁾ Guibert, 13.

вершеномъ вздорнаго мнѣнія въ значительной степени повисна популярная антирелигіозная литература. Поразительна авторитетность тона и непрерываемость, которая придаетъ здѣсь этому утвержденію! Вотъ что, напримѣръ, читаемъ въ одной изъ брошюръ „Нѣмецкаго Союза Моистовъ“: „религія будущаго, то есть, научное міровоззрѣніе не нуждается въ Творцѣ... Старая вѣра въ него несостоятельна; она противорѣчитъ и наукѣ, и разумному мышленію... Признать, что природа имѣла моментъ начала—немыслимо, хотя въ настоящее время нѣкоторые натурфилософы и считаютъ нужнымъ признавать его; но это—не логично... Наука и разумъ требуютъ вѣры въ вѣчность всеобъемлющей природы“¹⁾. Въ социалистическихъ агитаціонныхъ брошюрахъ систематически повторяютъ, что „всѣ естествоиспытатели, почти безъ исключеній,—невѣрующіе“²⁾. Такъ, напримѣръ, въ „Азбулкѣ Знанія“ Дуэ читаемъ: „наши величайшіе натуралисты—невѣрующіе...; вы же, господа набожныя, еще никогда не разрѣшили ни одной загадки бытія, не прищипнули насъ ни на одинъ шагъ къ сущности вещей, а всегда вели насъ только къ заблужденіямъ воображенія“. Въ другой книжонкѣ, сходнаго типа, говорится: „почти безъ исключеній, всѣ естествоиспытатели и астрономы—радикально невѣрующіе; они столь же мало, какъ и мы, понимаютъ вселенную, однако единогласно заявляютъ, что въ ней нѣтъ ни мѣста, ни дѣла для Бога“³⁾. Точно также въ наиболѣе распространенной англійской Ассоціаціи Рационалистической Прессы вольнодумной книжкѣ Вивіана Филлипса считается „въ высшей степени сомнительнымъ, чтобы нашелся хотя бы одинъ ученый или философъ, который дѣйствительно придерживался бы доктрины личнаго Бога“⁴⁾, а англійскій переводчикъ и панегристъ Геккелевыхъ „Міровыхъ загадокъ“ Макъ-Кэбъ утверждаетъ, что „современные представители науки—матеріалисты, атеисты, агностики и противники христіанства, и по необходимости должны быть таковыми“⁵⁾. „Невѣріе царитъ всюду“, пишетъ Чарльзъ Уаттсъ: „оно за-

1) Kramer—Magdeburg. Op. cit., 6—7.

2) Foerster. Das Christenthum unserer Zeitgenossen, 4—5.

3) Dennert. Die Religion der Naturforscher. 7 Auflage, Berlin, 1908, 12.

4) Arth. H. Tabrum. Religious Beliefs of Scientists. (London 1910) p. XI.

5) Idem. p. 1. Cp. Mac-Cabe. Haeckel's Critics Answered. 1903 pass.

положило наши научные центры“ 1). „Новое разумное міровоззрѣніе, съ логическою необходимостью внушаемое намъ новѣйшими успѣхами объединеннаго естествознанія (слышимъ мы отъ Геккеля), живетъ въ глубинѣ души почти всѣхъ безпристрастныхъ и мыслящихъ естествоиспытателей, хотя лишь немногіе имѣютъ мужество или чувствуютъ потребность исповѣдывать его открыто“ 2). „Натуралистическій монизмъ есть символъ вѣры по крайней мѣрѣ девяти десятыхъ всѣхъ нынѣ живущихъ естествоиспытателей“ 3). Увлекающемуся, не слушающему протестовъ своихъ коллегъ автору „Міровыхъ загадокъ“ мерещится даже, будто „монистическимъ воззрѣніямъ удалось, наконецъ, достигнуть уже всеобщаго признанія“ и что „съ антропоморфическимъ представленіемъ о сознательномъ строителѣ и хозяинѣ міра наука окончательно разсталась: его замѣнили вѣчные, желѣзные, великіе законы природы“ 4). „Никто, въ наивномъ самообольщеніи восклицаетъ Геккель, никто уже не говоритъ о нравственномъ міронорядкѣ ни въ астрономіи и геологіи, ни въ обширной области физики и химіи. Ни одинъ голосъ не раздается здѣсь въ защиту идеи индивидуальнаго Божества, премудро указавшаго всякой вещи ея мѣсто!“ 5).

Подобныя грубо преувеличенныя обобщенія популярная литература невѣрія лѣтъ двадцать пять тому назадъ считала нужнымъ уснащать еще особыми, пикантными соблазнами, рассчитанными на стадные инстинкты малоразвитой публики. „Ни одинъ образованный человѣкъ“, увѣрялъ, напримеръ, Бюхнеръ, „ни одинъ даже поверхностно знакомый съ успѣхами естествознанія не можетъ вѣрить ни въ чудеса, ни въ Откровеніе... Разбиратель философія доказательства бытія Божія значило бы возобновлять совершенно ненужную давно и навсегда поконченную работу: разсуждать объ этомъ едва-ли даже позволительно послѣ повѣйшихъ успѣховъ науки“ 6). „Наши отрицанія оправданы нашимъ знаніемъ“,

1) Ch. Watts. The Glory of Unbelief, 2

2) Haeckel. Der Monismus, Vorwort, 8.

3) Der Monismus, 27.

4) Міровыя загадки, 268—269.

5) Тамъ-же, 278.

6) Büchner. Der Gottesbegriff. V.

гордо заявляла Анни Бизантъ ¹⁾, еще не превратившаяся тогда изъ сотрудницы вольнодумца Брэдло въ преемницу теософки Блавацкой. Сообразно съ этимъ, участіе въ религіозномъ отрицаніи изображалось какъ признакъ солидарности въ убѣжденіяхъ съ просвѣщеннѣйшею частью общества. „Вѣрять въ то, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію и что онъ изначала поставленъ вѣнцомъ творенія“, писалъ Милларъ, „не рѣшится въ наши дни ни одинъ человѣкъ, желающій, чтобы его считали за образованнаго“ ²⁾. „Конечно, еще многіе и, пожалуй, даже большинство, зовутъ себя религіозными и продолжаютъ вѣрять въ суевѣрія и въ догматы, взорванныя Дарвиномъ. Но вѣдь такое большинство принадлежать къ недумаящему, къ перазсуждающему классу! Среди же, обладающихъ мозгами для того чтобы думать и разсуждать, чтобы ставить рѣшенія самостоятельно, словомъ, среди всѣхъ благовоспитанныхъ людей возраженія и насмѣшки противъ непогрѣшимой очевидности дарвинизма давно прекратились“ ³⁾. Теперь, говоритъ Бюхнеръ, „необходимъ новый натискъ для окончательнаго, рѣшающаго устранинія того понятія (Бога), которое стоитъ поперекъ дороги всему нашему уместившему, социальному и политическому развитію, понятія, несогласнаго съ современнымъ научнымъ развитіемъ... Надо покончить съ этимъ худшимъ врагомъ всеобщаго прогресса! Невѣріе—единственный путь къ свободѣ, къ разуму, прогрессу, къ истинной человѣчности!“ ⁴⁾—„Невѣріе (добавлялъ Уатсъ)—только наша обязанность, какъ дѣятелей прогресса“ ⁵⁾. „Атеизтъ (восклицала Анни Бизантъ)—одинъ изъ самыхъ славныхъ титуловъ человѣчества, знакъ отличія міровыхъ героев... мучениковъ, спасителей міра. Никакая философія, никакое богословіе не пещи міру ничего достойнаго быть сравниваемымъ съ благою вѣстью атеизма“ ⁶⁾. „Только подобныя, страха не знающіе храбрецы свободны!“ восклицаетъ Голіокъ ⁷⁾. „тѣ (по-

1) Annie Besant. Why do I not believe in God. London, 1887, 5.

2) Millar. Darwinism and Religious Thought. 3.

3) Idem. 2, 11, 5.

4) Büchner. Der Gottesbegriff. 50. Vorwort, III—IV и 45—46

5) Watts. I—2, 4, 7, 12.

6) Annie Besant. The Gospel of Atheism. London, 1882, 7; 3

7) G. I. Holyoake. The Logic of Death. London, 1887, 16. (100,000 экземпляровъ!)

ясняетъ Милларъ), что не боится идти на призывъ боевой трубы науки“ ¹⁾, „тѣ (подтверждаетъ и Тиндэль), что не хотятъ покушать духовнаго міра цѣною смерти разума“ ²⁾. „Честь же и слава“ (заключаетъ Бизантъ) этимъ передовымъ бойцамъ прогресса, этому почетному авангарду арміи Свободы! честь и слава тому, кто для исправленія земли забылъ о небѣ, тѣмъ, что, въ своемъ усердіи о человѣкѣ, забыли Бога!“ ³⁾.

Какъ видимъ, въ этихъ фантастическихъ призывахъ цуцены въ ходъ все соблазны, весь задоръ мелочнаго тщеславія, жажды независимости и дешеваго самопревознесенія, чтобы раздражить и привлечь къ невѣрью умы либо незрѣлые, либо несамостоятельные, но податливые на лесть и палкіе на подражаніе модному, восхваляемому. Рѣчи этого рода, широкимъ потокомъ лившіяся въ восьмидесятихъ годахъ въ Англии, но теперь тамъ уже смолкшія, еще продолжаютъ въ извѣстныхъ кругахъ и въ настоящее время въ Германіи, Франціи и Италіи, а у насъ, стѣсняемая въ печатной формѣ, онѣ въ полномъ ходу въ частныхъ бесѣдахъ, и аргументы, въ родѣ только что приведенныхъ, ежедневно раздаются въ большинствѣ горячихъ споровъ о несогласности „старой вѣры“ съ „новою вѣрою“ въ разумность, гуманность, свободу и прогрессъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ пояснить, что и на Западѣ, въ данномъ случаѣ, измѣнились скорѣе тонъ рѣчей, нежели сущность ихъ среди пропагандистовъ невѣрія. После столькихъ несбывшихся предсказаній о скоромъ унраздненіи религіозной вѣры, ихъ не рѣшаются повторять съ прежнею опредѣленностью; но невѣріе продолжаютъ изображать привилегіей хотя еще меньшинства, но меньшинства избраннаго, за которымъ—ростъ и будущее. Не говоритъ ли Геккель: „число мыслителей, которые смѣло преодолевали дуализмъ и обращались къ чистому монизму, было всегда *незначительно?*“ но зато, прибавляетъ онъ, „я опираюсь на согласіе почти всѣхъ тѣхъ современныхъ естествоиспытателей, которые вообще имѣютъ *мужество* и склонность къ признанію *законченнаго* философскаго воззрѣнія“ ⁴⁾. Съ грустью

¹⁾ Millar, 11.

²⁾ У Watts'a, 22.

³⁾ Besant. Gospel of Atheism, 7.

⁴⁾ Мировыя загадки, 390—391.

констатируетъ также Клемансо стойкость „суетвѣрій, преданій, обычаевъ, законовъ и учрежденій, порожденныхъ и поддерживаемыхъ старыми вѣроученіями. „Вѣра, вѣра! — вотъ лозунгъ правящихъ классовъ въ наши дни, какъ и въ прошлые... Высшіе классы не перестаютъ стараться вернуть народную массу къ религіи, и это удается имъ въ не малой степени... Зажиточный буржуа, скептикъ, самъ не вѣрящій ни въ Бога, ни въ дьявола, упорствуетъ однако въ сообщеніи своимъ дѣтямъ обонхъ, другъ другу противорѣчащихъ ученій (церковнаго и научнаго)... Есть люди, дающіе своимъ дѣтямъ цѣльное единообразное обученіе; но это — рѣдкія исключенія“. Надо тѣмъ не менѣе помнить, заключаетъ Клемансѣ, что такая двойственность не позволительна вообще, и всего менѣе — „намъ, реформаторамъ и революціонерамъ!“ „Надо сдѣлать рѣшительный выборъ между вѣрою и знаніемъ“... Только наука истинно революціонна, и при помощи науки-то и надо, наконецъ, прійти къ ясному, цѣлостному познанію... И тѣ, которые подадутъ личный примѣръ разрыва съ изоглавшимися обычаями, тѣ будутъ наиболѣе содѣйствовать разрыву съ устарѣвшимъ міровоззрѣніемъ и... облагороженію человѣчества новою культурою“ 1).

Задача эта не легка, полагаетъ извѣстный профессор Юдль, и пока нельзя еще съ увѣренностью сказать, скоро ли удастся привести христіанскую вѣру къ крушенію соелническимъ ударамъ естествознанія и библейской критики, подготовляющей „великое банкротство исторической достовѣрности евангелій... Однако разрушительный процессъ неудержимо подвигается впередъ, и наука все болѣе и болѣе отвоевываетъ почву у религіи... Конечно, и впредь будутъ вѣрующіе, какъ были они послѣ Штрауса!.. Конечно, останутся и въ будущемъ убѣжища для вѣры!.. Многое, даже въ самомъ ученѣмъ и философскомъ современномъ движеніи, добавляетъ эти возможности и укрѣпляетъ ихъ... Если теперь многіе естествоиспытатели вывѣтриваютъ матерію до значенія только кажущихся явленій, и все, называемое нами міромъ, сводятъ на сознаніе, на одно центральное сознаніе: если многіе физики утверждаютъ, будто міръ не

1) G. Clemenceau. Glauben oder Wissen. Autorisirte deutsche Uebersetzung. (Bibliothek der Aufklärung). Frankfurt a. M. 1908, 15—24 и 28.

безконеченъ, а конеченъ и способенъ умереть... если многіе біологи теперь знаютъ не хотятъ ученія первобытнаго самозарожденія, и ревностнѣе, чѣмъ когда либо, держатся принципа: „omne vivum ex ovo, жизнь можетъ быть порождена только жизнью“; если между зоологами воскресаетъ опять старая доктрина о жизненной силѣ; если о Дарвинѣ черезъ полвѣка послѣ его смерти говорятъ какъ о легкомысленномъ шарлатанѣ, и психологія дуализма, ученіе о самостоятельной, отъ тѣла независимой и отдѣлимой субстанціи души пріобрѣтаетъ новыхъ послѣдователей; если въ настоящее время снова входитъ въ моду идеализмъ романтики,—то все это, конечно, симптомы, ясно указывающіе на то, что послѣднія твердыни вѣры далеко еще не вполне мишированы снизу и обладаютъ еще значительными силами сопротивленія. *А, быть можетъ, даже, ихъ и никогда не удастся завоевать?..* Но если бы даже и такъ,—почему бы намъ, спокойно предоставивъ эти цитадели ихъ защитникамъ, самимъ не устроиться *внѣ ихъ*, вполне удобно, и даже комфортабельнѣе, нежели тамъ внутри, гдѣ приходится сидѣть на бочкѣ съ порохомъ, готовую каждую минуту взлетѣть на воздухъ?.. А что, если въ одинъ прекрасный день самозарожденіе будетъ доказано? А что, если предсказываемая смерть міра (черезъ умаленіе теплоты) окажется выводомъ ошибочнаго вычисленія ихъ неточнаго наблюденія? А что, если прогрессующему мышленію человѣчества творящій и урядочивающій Мировой духъ станетъ такою же мнѣшею личностью, какою для исторической критики сталъ Иисусъ изъ Назарета?.. Не вѣрнѣе ли будетъ смѣнять теоцентрическую точку зрѣнія на антропоцентрическую, попытаться познать Бога изъ познанія человѣка, вмѣсто того, чтобы постигать человѣка изъ Бога... созидать Бога не какъ реальность, а какъ проблему, не какъ наиреальнѣйшее, а какъ наипжелательнѣйшее существо, не готовое уже, а создающееся... человѣкомъ, звеномъ природы... на пути развитія отъ животнаго къ святому, къ этически выработавшейся личности... создающей себѣ небо на землѣ?“ ¹⁾

Мы позволили себѣ привести эту длинную гираду, неслѣ-

¹⁾ Iodl. Wissenschaft und Religion. Nach einem Vortrage gehalten zu Frankfurt a. M. am 5 Januar 1909, 21—25.

дящую изъ-подъ пера не зауряднаго публициста, а извѣстнаго, серьезнаго ученаго—философа, для того, чтобы показать, что пропагандисты такъ называемаго „ученаго невѣрія“, болѣе упорныя, чѣмъ безпристрастныя, и въ панши лицъ остаются вѣрными старой тактикѣ: восхвалять религиозное отрицаніе, какъ привилегію избранныхъ умовъ, а несогласныя съ ихъ отрицаніемъ теченія въ современномъ естествознаніи изображать какъ пережитокъ прошлаго или какъ временную реакцію противъ того, будто-бы единственнаго истиннаго знанія, опредѣленіе коего они, съ непозволительною самоувѣренностью, предоставляютъ только самимъ себѣ, а не разномыслящимъ съ ними.

Посмотримъ-же теперь, насколько все эти догматическія утвержденія, этотъ фанатическій тонъ пропаганды и ея неразборчивая въ средствахъ тактика совпадаютъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ новѣйшаго точнаго знанія и съ духовнымъ настроеніемъ его безпристрастныхъ и наиболее достойныхъ представителей.

Владиміръ Кожевниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
